

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

LIMITATION OF INDIVIDUAL RIGHTS IN A CRISIS: ETYMOLOGICAL AND HISTORICAL ASPECTS

A. Zakharikhina

Summary. The paper considers certain aspects of the category «restriction of the rights of the individual» in a crisis situation, including within the framework of special legal regimes. Based on the analysis of the literature, the author proposes his own understanding of the main characteristics of restrictions on the rights of the individual in a crisis. The article explores the genesis of the state-legal approach to the restriction of human rights throughout history. As a result of system analysis, the definition of the category «restriction of the rights of the individual» in a crisis situation is presented, combining various aspects of this concept and corresponding to the attitude towards this category in different periods of human development.

Keywords: restriction of individual rights, constitutional rights and freedoms, special legal regimes, admissibility of restriction of rights.

Захарихина Анастасия Андреевна

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
flower-555@inbox.ru

Аннотация. В работе рассматриваются отдельные аспекты категории «ограничение прав личности» в условиях кризисной ситуации, в том числе, в рамках особых правовых режимов. На основе произведенного анализа литературы автором предложено собственное понимание основных характеристик ограничений прав личности в условиях кризиса. В статье исследован генезис государственно-правового подхода к ограничению прав человека на протяжении истории. В результате системного анализа представлено определение категории «ограничение прав личности» в условиях кризисной ситуации, совмещающее в себе различные аспекты данного понятия и соответствующие отношению к данной категории в различные периоды развития человечества.

Ключевые слова: ограничение прав личности, конституционные права и свободы, особые правовые режимы, допустимость ограничения прав.

Исследование проблем допустимости ограничения конституционных прав личности в условиях кризисных ситуаций представляется крайне важным и значимым по той причине, что в современном обществе те или иные действия государства, ограничивающие прямо или косвенно права личности и общества в целом не могут осуществляться произвольно; они должны быть обоснованы некоторыми объективно необходимыми факторами и причинами. Только при наличии такого обоснования ограничения конституционных прав личности в условиях кризисных ситуаций могут быть признаны законными и допускаемыми обществом как временная необходимая мера, предпринимаемая органами государства в интересах самого же общества.

Понимание допустимости ограничения прав личности, таким образом, основано на том или ином толковании самой категории «ограничение прав», что и требует рассмотрение ее генезиса, так как исследование проблем допустимости ограничения конституционных прав личности в условиях кризисных ситуаций невозможно без хотя бы краткого рассмотрения понятия «ограничение прав» как исходной категории для последующих рассуждений.

Прежде всего, с точки зрения этимологии, ограничения представляют собой некоторые пределы [1, с. 388], границы [2, с. 704], введение кого-либо или чего-ли-

бо в некоторые границы [3, с. 302], стеснение теми или иными нормами и правилами чьей-либо деятельности [4, с. 366], сужение возможностей поведения до определенных рамок [5, с. 220] и т.п. Существуют и физико-математические понимания ограничений как условий существования и развития какого-либо явления [6, с. 238] и проч.

Из анализа справочной литературы, предоставляющей нам философское, гуманитарное, социологическое, психологическое, правовое и другие способы понимания ограничений человеческой деятельности, имеющих у человека возможностей, можно сделать следующие выводы о данном предмете.

Во-первых, социальные ограничения всегда негативны сравнительно с существовавшими возможностями, они объективно сужают варианты поведения человека в социуме, однако они необходимы по тем или иным, реальным или мнимым причинам. Иными словами, это «жесточкая необходимость», единственно возможный в конкретной общественной ситуации, а не лишь один из возможных путей решения управленческой проблемы [7, с. 203].

Во-вторых, такого рода ограничения (пределы, границы) не имеют характера лишения чего-либо в целом, ограничение — всегда частичное уменьшение возмож-

ных вариантов поведения. Когда что-либо *ограничивается*, то оно остается в *принципе*, не сводится к нулю, хотя ограничение может быть по своей природе и значительным [8, с.81].

В-третьих, ограничения изначально имеют свойство быть временными (хотя, на практике, в силу злоупотребления своими возможностями лицом ограничивающим, вводящим ограничения, они могут стать и постоянными без формального признания их таковыми), в противном случае нельзя было бы вести речь об ограничении, а, скорее, можно было бы о запрете чего-либо, отказе от чего-либо, лишении какой-либо возможности.

Вместе с тем, понятие временного характера ограничений различно: например, в Израиле, как известно, военное положение, предполагающее ограничение прав личности, действует без перерыва с 1960-х годов [9, с.141].

В-четвертых, смысл ограничений состоит в том, что они существуют в настоящем и будут сняты в будущем, однако не исключается и их повтор после восстановления в будущем имеющихся возможностей, что означает и динамический характер ограничений, призванных «соответствовать» тому или иному развитию кризисной ситуации в государстве и обществе, а также конкретизировать меры государственно-властного воздействия в той или иной области [10, с.89].

Таким образом, ограничения в интересующем нас контексте — это *временные меры, направленные на уменьшение вариантов поведения человека в социуме, однако не отрицающие наличие у него таких возможностей в будущем*.

Вместе с тем, предложенное определение является лишь начальным, представляется слишком общим для того, что стать основой правовой конструкции понятие «ограничение прав личности в условиях кризиса». Помимо указанного, в юридической науке до настоящего времени не выработано единой концепции ограничения прав личности в условиях кризиса, отсутствует определение этого понятия и относительно однообразное понимание правовой доктриной.

Мы полагаем, что в данном вопросе некоторую помощь нам призван оказать историко-правовой подход.

Историко-правовой подход в ряде правовых исследований, в том числе, и по нашей тематике, следует признать достаточно перспективным и значимым, поскольку подход законодателя и юристов прошлого к схожим с современными правовым проблемам не только позволит более глубоко понять нынешнюю проблематику ограничения прав личности, но и, возможно, обогатит

нас уже апробированными временем вариантами правового регулирования в названной сфере, в любом случае, осознание прошлых правовых достижений (равно как и недостатков) будет способствовать построению эффективного правового регулирования в данной области уже в современности.

Рассматривая вопросы генезиса понятия «ограничение прав личности в условиях кризиса», мы приходим к выводу о наличии неких закономерностей развития данного института на различных исторических этапах правотворчества в области объективного права, а также практики его применения.

Ограничение прав — явление, широко известное исторически еще со времен Древней Греции и Древнего Рима. Тем не менее, древние греки мыслили ограничения поведения человека, прежде всего, религиозными и моральными факторами [11, с. 321], сами же такие ограничения они понимали как сужение возможностей поведения человека для блага самого же человека и, в части ограничения политических прав, для блага государства — полиса [12, с. 89], [13, с. 78]. В Древнем Риме ограничения понимались в двух смыслах: либо они представляли собой частноправовую (следует признать, мало востребованную и развитую) конструкцию и сводились более к особенностям должного поведения обязанного по договору лица (юридической обязанности), либо были ограничением политических возможностей римлянина в интересах существования республики (империи) [14, с.62].

В эпоху Средневековья ограничения прав — совершенно обычная мера, предпринимаемая сюзереном к вассалу, высшим (властью) — к низшим (подчиненным). Ограничение прав тесно переплеталось с юридической ответственностью и выступало, в том числе, в виде меры наказания. Однако уже тогда было понимание пределов таких ограничений (вспомним «вассал моего вассала — не мой вассал» и т.п.), хотя, разумеется, именно об ограничении субъективных прав речи не шло [15, с. 403].

Говорить об ограничении прав в близкой к современному пониманию трактовке этого термина правильно, видимо, с момента появления четкого представления о самих правах и пределах их осуществления, что стало возможным в эпоху Нового Времени и по мере развития идей «теории общественного договора», положений естественно-правовой доктрины. По сути своей, и Английская буржуазная революция и Великая Французская революция — это реакция общества на нарушение монархами пределов ограничения прав подданных [16, с.29–39].

В соответствии с веяниями того времени ограничения прав считались возможными в интересах общего

блага, однако у личности оставались «неприкасаемые» права, ограничение которых не допускалось ни при каких условиях. Такого рода мнение только укрепилось при переходе развитых стран на конституционное устройство власти [17, с. 32].

Учение об ограничении прав уже с XIX века состоит, в своей основе, из следующих аспектов: 1) права личности могут быть ограничены в интересах государства и общества; 2) имеются пределы ограничения прав, когда ограничиваемые права не могут быть сведены к нулю по своему содержанию; 3) существуют права, настолько значимые для личности, неразрывно связанные с нею, что они не могут быть ограничены в силу самой своей природы [18 с. 412].

В XX веке большее внимание стали уделять организационно-процессуальной стороне ограничения прав, совершенно справедливо видя в этом некоторые дополнительные гарантии для личности, права которой ограничиваются [19, с. 419–422].

Современные исследователи дополняют вопрос ограничения прав, в основном, указанием на то, что ограничения прав должны иметь объективные причины (в идеале — они должны быть ясны и понятны самому лицу, чьи права ограничиваются, и обществу в целом) [20, с. 152], ограничения прав должны быть обоснованы властью [21, с. 50], ограничения прав всегда имеют временный характер [22, с. 66–67] и при прекращении объективных причин и тенденций, приведших к ограничению прав, они должны быть восстановлены в первоначальном виде [23, с. 610].

В будущем мы предвидим продолжение гуманистического начала в вопросе ограничения прав и свобод. Не исключена, например, идея возложения на государство обязанности по оказанию помощи и содействия в реализации личностью других, близких к правам, которые ограничены, прав, в целях, своего рода, «компенсации» прав ограниченных. Вполне вероятной на каком-то этапе развития государства и общества может стать и идея последующей (после снятия ограничений) деятельности государства по полному возмещению ущерба за временное ограничение прав с «премией» к потерянному. Уже в условиях карантина в связи с пандемией коронавируса в 2020–2021 гг. мы видели отдельные по-

пытки стимулирования государством востребованного им поведения граждан, в частности, самоизоляции граждан, когда в связи с самоизоляцией отдельным категориям граждан были сделаны выплаты, бесплатно предложена доставка на дом продуктов питания и т.п.

Ограничения прав, таким образом, принципиально не умаляют сами права, но временно снижают (в том числе, сводят на нет) возможности по их осуществлению. Они объективно сужают варианты человеческого поведения, но их причины (если не установлено иное) также сами по себе объективны.

Попутно, в интересах терминологической определенности, отметим, что следует разделять «ограничение прав» и «ограничения в праве»: в первом случае речь идет о субъективных правах, а во втором — об объективном праве, первые, по сути, представляют собой разновидность последних [24, с.91]. Также обратим внимание и на то обстоятельство, что ограничиваться может только лишь правомерное поведение, поведение, основанное на праве, правонарушительные же действия — пресекаются как изначально вредные [25, с.7-9].

В результате, применив в совокупности историко-правовой подход и метод системного анализа, используя возможности этимологии, мы предлагаем понимать ограничения прав и свобод в ситуации кризиса и вследствие кризиса как *обусловленные интересами самой личности — носителя прав и свобод, государства и общества в целом, принципиально не умаляющие и не отменяющие прав и свобод, установленные законом временные ограничения имеющихся у личности правовых возможностей по удовлетворению потребностей посредством осуществления прав и пользования свободами в кризисной ситуации, подлежащие отмене немедленно после ее прекращения (прохождения конкретной стадии кризиса).*

В отношении ограничения конституционных прав и свобод можно также дополнить, что они, во-первых, могут быть ограничены только по основаниям, предусмотренным Конституцией РФ и конституционным законодательством, и, во-вторых, отдельные конституционные права и свободы столь неразрывно связаны с личностью, внутренним миром человека, что они не могут быть ограничены ни при каких условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Т.2. — Москва: Просвещение, 2021. — 980 с.
2. Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск: Литература, 2023. — 892 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов — Москва: Просвещение, 2022. — 1012 с.
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. / Д.Н. Ушаков. — Москва: Знание, 2020. — 782 с.
5. Философский словарь. — Москва: Проспект, 2020. — 656 с.
6. Философия науки и техники: Учеб. пособие. / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. — Москва: Высшая школа, 2015. — 252 с.

7. Максуров А.А. Управление юридическими проектами / А.А. Максуров. Сер.: «Проектный подход в праве». Москва: ЭкООНИС., 2017. — 480 с.
8. Максуров А.А. Проблемы реализации прав граждан на участие в управлении государством в условиях кризиса. Монография. — Москва: Русайнс. 2023. — 120 с.
9. Максуров А.А. Координация действий субъектов права в условиях кризиса. / А.А. Максуров. — Москва: ИНФРА-М. 2022. — 280 с.
10. Максуров А.А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму. / А.А. Максуров. Учебное пособие. — Москва: Русайнс. 2022. — 156 с.
11. Антология мировой философии. — Москва: Гослитиздат, 1969. Т.1. Ч.1 — 410 с.
12. Нерсесянц В.С. Платон. / В.С. Нерсесянц. — Москва: Юрист, 1984. — 208 с.
13. Аристотель. Избранные сочинения / Аристотель. — Москва: Просвещение, 2021. — 610 с.
14. Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. / И.С. Перетерский — Москва: Госюриздат, 1956. — 182 с.
15. Философский энциклопедический словарь. — Москва: Высшая школа, 2022. — 598 с.
16. История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение — Москва: Статут, 2020. — 528 с.
17. Черненко А.К. Философия права. / А.К. Черненко — Новосибирск: Из-во НГУ, 2021. — 488 с.
18. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия / П.В. Алексеев, А.В. Панин. Учебник. — Москва: Просвещение, 2021. — 638 с.
19. Спиркин А.Г. Философия. / А.Г. Спиркин. — Учебник. — Москва: Статут, 2021. — 706 с.
20. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства. / В.С. Нерсесянц — Москва: Юрист, 2019. — 590 с.
21. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. / Ю.Хабермас. — Москва: Гардарика, 2015. — 302 с.
22. Общая теория государства и права. Под ред. М.Н. Марченко. — Москва: Юрист, 2022. — 598 с.
23. Нерсесянц В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц — Москва: Норма, 2020. — 782 с.
24. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько — Москва: Норма, 2005. — 314 с.
25. Карташов В.Н., Бриль Г.Г. Противоправная деятельность и юридическая ответственность / В.Н. Карташов, Г.Г. Бриль — Кострома: Из-во КГТУ, 2017. — 266 с.

© Захарихина Анастасия Андреевна (flower-555@inbox.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»